

M. Таубе

**Познаниеведение
(гносеология) по
Славянофильству**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
М11

M11 **М. Таубе**
Познаниеведение (гносеология) по Славянофильству / М. Таубе – М.: Книга по Требованию, 2014. – 230 с.

ISBN 978-5-458-23284-5

Два обстоятельства побудили автора издать исследование по "старому славянофильству": 1) то, что исследователи славянофильского любомудрия не привели его в строго соразмерный и обработанный уклад, который охватывал бы его учение целиком и со всех сторон; 2) что нет еще писателя, который сравнил бы славянофильство, как философское учение, в его целом, со всею совокупностью западно-европейской учености и определил точно, научно и философски: в чем заключается отличие основ восточного просвещения от начал западной культуры и цивилизации и где сосредоточивается вся философская суть этого различия. Решение этих двух вопросов цель усилий Михаила Фердинандовича Таубе, который не будучи вполне уверенным, что выполнил задачу с "желательною удовлетворительностью", тем не менее полагает, что его попытка поставить и разрешить хотя бы приблизительно "коренные вопросы всемирного просвещения", указанные славянофильством, может быть полезна сама по себе.

ISBN 978-5-458-23284-5

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

нинского соблазна, въ декадентствѣ вкусовъ и .внѣшнемъ упадкѣ достойной красоты и т. п. Западъ безспорно погружается въ топь раціонализма, въ потокъ эволюціонизма, въ нирвану нигилизма, въ волшебство спиритизма, въ очарованный кругъ мистицизма, окультизма и бездну остальныхъ лукавыхъ измовъ теософіи и чернокнижія. Не то должно ожидать отъ русскаго восточного просвѣщенія, котораго одинъ изъ лучшихъ представителей былъ Хомяковъ, основатель славянофильства.

Когда мы выяснимъ достаточно подробно коренные черты философіи славянофильства, тогда только представится возможнымъ обсудить, чѣмъ славянофильское просвѣщеніе отличается отъ западно-европейской цивилизациі и культуры; тогда только всплынетъ то несомнѣнное просвѣтительное достоинство, которымъ сияетъ нашъ востокъ; тогда только съ достовѣрностью ясно будетъ всякому добросовѣстному искателю истины, почему свѣтъ истинной науки исходить отъ нашего восточного солнца, а не изъ мрачнаго заморскаго заката!..

Весь трудъ нашъ «Любомудріе по Славянофильству» разбиваемъ на три большихъ отдѣла:

I. *Познаніевѣдѣніе* по славянофильству—часть по преимуществу умопостигаемая;

II. *Жизнепониманіе* по славянофильству—часть по преимуществу жизненная;

III. *Мировоззрѣніе* по славянофильству—часть по преимуществу созерцательная, оцѣнивающая.

Намъ представляется возможнымъ нынѣ предложить вниманию читателей только первую часть. Она носить название «*Познаніевѣдѣніе соборнаго восточного просвѣщенія по любомудрію славянофильства*», и содѣржитъ въ себѣ, кромѣ собственнаго изложенія и раскрытия всей области вѣдѣнія и ея сторонъ, еще и подготовительныя опредѣленія: что есть славянофильство и философія. Къ сему прибавленъ краткій основоположный очеркъ сторонъ природы и составности человѣка.

Знаніевѣдѣніе вообще служить основаніемъ всякому философскому познанію, ибо, если наши познавательные приспособленія и пути, и средства умѣнія, знанія и вѣдѣнія неправильны, то вмѣстѣ съ тѣмъ неправильны будутъ и познанія міра, себя и жизни. Какъ безъ правильно натянутыхъ струнъ не получишь правильнаго звукового согласія, такъ точно безъ правильно понятыхъ силъ познанія не извѣдать вѣрно жизни и бытія, и не установить правильнаго философскаго воззрѣнія на невидимый и видимый міръ.

Нѣтъ· у художниковъ слова достаточно яркихъ и густыхъ красокъ, чтобы вѣрнѣе описать съ полною правдивостью недовольство и тяготу современной жизни, къ сожалѣнію, на всемъ почти земномъ шарѣ, и это въ вѣкѣ наивысшей современной культуры, въ вѣкѣ наитончайшей цивилизаціи...

Кирѣевскій, перво-основатель славянофильского любому-дрія, обозрѣвая злоучастъ хваленаго Запада, говоритъ:

„Трудно понять, до чего можетъ достигнуть Западная образованность (пресловутая цивилизациѣ), если въ народахъ не произойдетъ какой нибудь внутренней перемѣны. Эта возможная перемѣна, очевидно, будетъ заключаться только въ перемѣнѣ основныхъ убѣждений или, другими словами, въ измѣненіи духа и направленіи философіи,—ибо въ ней теперь весь узелъ человѣческаго самосознанія“ *).

И этой западной лжеобразованности подражаетъ почти всякий русскій ученый, мыслитель, передовой писатель и художникъ слова и красокъ... Но спрашивается, нѣтъ-ли иныхъ способовъ развитія независимо отъ подражанія всякимъ „заграницамъ“? Нѣтъ-ли иной внутренней силы и потребности извнутри-же, самостоительно, самобытно и самочинно развить свои мысли? Такая творческая мощь въ дѣйствительности существуетъ въ Россіи и помимо Запада. Часть образованныхъ людей середины прошлого вѣка самоуглубилась и начала искать вѣдѣнія въ самой себѣ. „Испытующій умъ обратился строже прежняго на весь быть нашъ и на все наше просвѣщеніе, отыскивая въ нихъ разнородныя струи и оправдывая или осуждая явленія быта и выражение мысли не только въ отношеніи къ нимъ самимъ, но еще и потому,—одобляемъ-ли мы или отвергаемъ ту струю, которая въ нихъ пробивается. Такъ возникли два направленія, къ которымъ, болѣе или менѣе, принадлежать всѣ пишущіе люди. Одно изъ этихъ направленій открыто признаетъ за русскимъ народомъ *обязанность самобытнаго развитія и право самотруднаго мышленія*; другое, въ выраженіяхъ, болѣе или менѣе, ясныхъ, отстаиваетъ обязанность постоянно-ученическаго отношенія нашего къ народамъ западной Европы и недавно высказалось ex cathedra съ крайнею наивностью въ опредѣленіи, что *ученіе есть ни болѣе, ни менѣе какъ подражаніе.*“ (Хомяковъ).

Двойственность, на западѣ совершенно законная, принесла Россіи много горя и мученій, и борьба подражателей противъ самобытчиковъ. можно съ прискорбиемъ сказать, привела къ видимому торжеству первыхъ, т. е. западниковъ, и полному пораженію вторыхъ, восточниковъ. А свѣтъ зари самобытчиковъ въ срединѣ 19-го вѣка былъ ярокъ и блестящъ. Плоды ихъ борьбы, несмотря на видимыя пораженія, тѣмъ не менѣе

*) Кирѣевскій, II—306.

значительны. Кто-же эти самобытчики, дерзнувшіе оповѣстить міръ, что и въ Россіи есть особый укладъ и строй просвѣщенія, и что это просвѣщеніе значительно глубже, шире и выше подражательности нашихъ ученыхъ ученому отсталому въ духовномъ Западу.

То были такъ называемые *славянофилы*.

Малый кружокъ высоко просвѣщенныхъ и по-русски, и европейски образованныхъ людей, безъ зова съ чьей-либо стороны, подъ градомъ насмѣшекъ и преслѣдованія, положилъ основаніе великому міровому просвѣтительному дѣлу: рядомъ съ западно-европейскою цивилизаціей возрастилъ древо народнаго свято-русскаго преуспѣянія. Это новое древо русскаго познанія и самобытнаго самопознанія, называемое нынѣ *славянофильствомъ*, выросло будто на чужой нѣмецкой почвѣ. Тѣмъ яростнѣя была начата противъ него вражеская пальба западничества. Невидимо, тихо выростали побѣги русскаго духа, русскаго ума. Главный основатель и руководитель сего направленія и исключительный по дарованіямъ и духовному своему совершенству былъ А. С. Хомяковъ. У этого человѣка выработалось цѣльное, округленное міровоззрѣніе со своей особой гносеологіей и онтологіей, въ тѣсной органической связи съ которыми находились его богословскія и специально историческія воззрѣнія, такъ пишетъ его критикъ проф. Завитневичъ.

Излагая свое новое ученіе, Хомяковъ боялся втиснуть его въ опредѣленныя рамки и клѣтки, онъ боялся стѣснить свободу развитія движенія новаго, самобытнаго, духовно-разумнаго ученія, боялся ограниченіями философской учености охладить пыль творческой свѣжей русской мысли. Строгій укладъ умнаго *) духовнаго развитія считалъ онъ великимъ тормазомъ свободнаго роста и рѣшительно отказывается подчинить свой трудъ обобщающему порядку.

По самому существу это дѣло для него было совершенно невозможнымъ, ибо то было время, когда каждый день или даже часъ выростала на древѣ его любомудрія новая почка, новая вѣтвь или отрасль. Какъ было тутъ вновь возникающія творенія высокаго генія размѣщать по опредѣленнымъ системой клѣткамъ: естественная научная система заканчиваетъ научное движение, а не начинаетъ его. Но теперь настало другое время. Новыхъ творцовъ славянофильства нѣть. Наслѣдіе все почти на-лицо и притомъ въ такомъ видѣ, что трудно разобраться во множествѣ не приведенныхъ частей раз-

*) Умный, дѣловoy въ нашемъ изложеніи не всегда означаетъ духовный въ полнотѣ, а лишь умное въ духовномъ, что разумное въ мысли и разсудительное въ знаніи.

ныхъ ученыхъ, разнаго времени, многое перемѣшано, перепутано, и многое до сихъ поръ сохранило слѣды наслоенія самого роста и самообразованія ученія. Благовременно нынѣ, для широкаго распространенія и для болѣе легкаго усвоенія, все ученіе славянофильства распределить по частямъ и связать въ одно соразмѣрное цѣлое, ибо, къ сожалѣнію, нѣть уже такихъ сильныхъ умовъ, которые могли бы единолично, вмѣстивъ сразу все сотворенное славянофильствомъ, шагнуть далѣе впередъ и тѣмъ дать ему дальнѣйшіе толчки развитія. Наша задача—найти такую точку зренія, чтобы съ наибольшою легкостью можно было почти однимъ обхватомъ обозрѣть всю область славянофильского простора мысли въ полной ея цѣльности.

Задача должна быть выполнена по частямъ соборно, а для сего требуется установить предварительно опредѣленное начертаніе и всѣмъ понятный замыселъ (планъ), чтобы все ученіе выступало ярко въ простотѣ, цѣльности и полнотѣ многосторонняго своего разнообразія.

Не наступило-ли впрямь время, когда зерно, полное жизненныхъ соковъ, упавши въ сухую и холодную почву, дождалось, наконецъ, благопріятной поры, и когда оно, орошенное благодатнымъ дождемъ и согрѣтое живительною теплотою, въ силахъ проявить свою жизненность, пустить глубокіе корни, дать удивительный ростъ, дабы принести достойные плоды.

Если мы и говоримъ, что ученіе не приведено первыми славянофилами въ порядокъ, то это еще не значитъ, что исключительный умъ Хомякова не могъ лать наброска самого распорядка: онъ его и *далъ*, но не связалъ имъ творческой свободы своей мудрой мысли.

Такъ, несмотря на указанную нелюбовь къ научному нѣмецкому формализму, Хомяковъ держался въ изложеніи своей всемирной исторіи строжайшей послѣдовательности. Эта единственная вполнѣ систематическая его работа, написанная въ 25 тетрадкахъ, безъ помарокъ, безъ исправленій, безъ главъ и подраздѣленій, сплошь строка за строкой,—извѣстна подъ названіемъ „*Семирамида*“. Имя это дано Хомяковскому труду Гоголемъ. Самъ Хомяковъ обозначилъ его четырьмя буквами: *I. I. I. I.*, какъ будто этими четырьмя соединительными союзами хотѣлъ онъ выразить крѣпкую, строгую связь не только всего написанного труда, но всей *исторіи* и всѣхъ *источниковъ* жизни человѣчества и всѣхъ руководящихъ вѣчныхъ *истинъ*, т. е. весь смыслъ всѣхъ историческихъ *изменений*.

Суть труда — *изслѣдованіе источниковъ измѣненій исторической жизни* всего человѣчества или *изслѣдованіе источниковъ историческихъ истинъ*, — какъ-бы скрыта подъ Хомяковскими четырьмя *И. И. И. И.* И это изслѣдованіе изложено, какъ указывали мы, по заранѣе строго-обдуманному плану.

Рамки вредны лишь тогда, когда онѣ ошибочны и несоответственны съ содержаниемъ, но зато неоцѣнимы, когда вѣрны, естественны и соразмѣрны и вытекаютъ изъ существа самого предмета. Ученіе выступаетъ съ полною яркостью, если угаданъ внутренний строй его; тогда и самый укладъ представляеть, самъ по себѣ, сущность ученія, его оставъ, его силу. Стойкость построенія, по существу, составляетъ одну изъ труднѣйшихъ, но зато и важнѣйшихъ сторонъ самого ученія, если это ученіе самобытно, если оно не заимствовано, если оно цѣльно и полно.

И славянофильство требуетъ строгаго порядка въ изложеніи и построеніи не только по новизнѣ своего научнаго содержания и основъ, но еще и по его богатству и разнообразію его духовной полноты. Если вѣрно найденный планъ строенія всего ученія лежить передъ глазами, то всѣ части богатаго и разносторонняго ученія легко свяжутся въ одно цѣлое, будутъ легко восприняты. Передъ вами куча мраморныхъ кусковъ и осколковъ разбитаго изваянія. Куда легче склеить ихъ, если вы имѣете передъ глазами рисунокъ этого произведенія. Славянофильство есть подлинная связь разбитаго на части, тонко обдѣланнаго изваянія цѣльнаго знанія, и оно даетъ самый его рисунокъ и планъ построенія своего философскаго уклада. Основа его ученія — православное христіанство: «Корень и начало дѣла (просвѣщенія) — религія ^{*)}» и только явное, гознательное и полное торжество Православія откроетъ возможность всякаго другого развитія».

Поэтому-то славянофили и «посвятили себя великому и всемирному труду христіанского воспитанія» и «внѣ этого труда мы и значенія никакого не имѣемъ», — такъ оцѣниваютъ себя сами славянофили.

Хомяковъ видитъ въ человѣкѣ тройственность сочетанія природы и двойственность сторонъ жизненныхъ стремленій. Три стихіи человѣка — тѣло его, или плоть, душа и духъ. Двойственность жизни — *подневольная* и *свободная* сторона, и эту двойственность онъ относитъ, какъ къ жизни каждого

^{*)} Не въ смыслѣ вѣроповѣданія, а вѣры. Собственно говоря вѣра есть истинный союзъ человѣка съ Богомъ, а религія ложная связь съ божествомъ, даже языческимъ, египетская религія, религія Кавана, Лютера и т. п.

человѣка, такъ и къ жизни народной,—такъ еще и ко всему историческому человѣчеству.

Такова основа построенія его философско-исторического и вѣроисповѣднаго ученія.

Второстепенныя дѣленія, нами намѣчаемыя, будуть въ зависимости отъ главныхъ, и нѣкоторый самостоятельный размахъ въ ихъ опредѣленіи, конечно, не опорочитъ существенныхъ основъ самого ученія. Одно лишь считаемъ для себя обязательнымъ — однородность и цѣльность строенія, какъ каждой части, такъ и всей совокупности цѣлаго. Распорядокъ цѣлаго самъ указываетъ, что куда размѣстить изъ всего многообразія притекающихъ подробностей.

Если-бы потребовалось намъ назвать отдѣльнымъ именемъ свойство принятаго нами ученаго построенія уклада, что руководило нашимъ трудомъ, то мы назвали-бы его: *координатное (соответственное) построение или укладъ по сторонамъ солнца: сѣверъ-югъ, востокъ-западъ, зенитъ-надиръ*, т. е. построеніе пространственное, геометрическое, да притомъ объемное.

Въ этомъ строго-согласованномъ построеніи ученія славянофильства видимъ мы главное отличіе нашего труда отъ однородныхъ работъ другихъ изслѣдователей Хомякова. Большею частью ученые изыскатели твореній отца Славянофильства рассматривали ихъ въ связи съ жизнью самого Хомякова; иные любители останавливали вниманіе почти исключительно на его стихотвореніяхъ. Мы-же, признавая въ немъ изъ ряда выходящаго бытописателя (историка) всего человѣчества, отдаемъ, однако, предпочтеніе его трудамъ по богословію и философіи, ибо онъ самую исторію человѣчества разсматривалъ съ духовной, церковной, философской, психологической и жизненной точекъ зрѣнія. Посему, собственно исторические его труды, его статьи по правовѣдѣнію, его поэзія и многое другое останутся почти нами не затронутыми, что вполнѣ естественно, по складу и цѣлямъ нашего труда. Это предварительное признаніе избавитъ насть отъ обвиненія въ недостаточной полнотѣ и всесторонности изслѣдованія удивительно много-гранныхъ и неизмѣримо богатыхъ по содержанію твореній Хомякова; но философское учение его передаемъ въ достодолжной подробности.

Скажемъ нѣсколько словъ о пріемахъ изложенія, нами выбранныхъ.

Оттѣнить положенія славянофильства намъ казалось легче всего сопоставленіемъ ихъ съ мыслями ошибочными, разбирая и указывая, въ чемъ ихъ невѣрность, съ мыслями противо-

положными, отыскивая, въ чемъ заключается ихъ потусторонность, и съ мыслями соприкасающимися, сопредѣльными, изучая, въ чемъ сходство и гдѣ граница, отдѣляющая одну отъ рядомъ стоящей. Свѣтотѣнь рѣзче, когда тѣни гуще и свѣтъ ярче. Мысли противоположныя яснѣе, чѣмъ опредѣленнѣе и яснѣе антитезы (противопостановленія). Домогаясь этой яркости обрисовки, въ большинствѣ случаевъ начинаемъ разборъ и какого-либо мнѣнія или положенія славянофильства съ изложеніемъ ученій или близко сопредѣльныхъ, или ошибочныхъ, или, наконецъ, прямо противоположныхъ.

Такъ, отыскивая возможно точное опредѣленіе самому славянофильству, мы приводимъ разномнѣнія людей, повидимому сочувствующихъ славянофильству, и опровергаемъ совершенно лживое опредѣленіе, данное иными славистами и сочувствующими славинамъ, часто непрошенными критиками и пытаемся установить собственное опредѣленіе: «*что есть просвѣщеніе славянофильское, просвѣщеніе восточное*».

Такъ въ другомъ мѣстѣ для объясненія, что есть философія, «приводимъ пеструю мозаику многочисленныхъ противоположныхъ западно-европейскихъ и заморскихъ опредѣлений, разобравъ затѣмъ понятіе о философіи русского просвѣщенія, въ концѣ концовъ выводимъ наше точное опредѣленіе философіи по *ученію славянофильскому*.

Такъ для удостовѣренія въ правотѣ православнаго почитанія Св. Духа отъ Отца исходящаго, а не отъ Отца „изъ“, „черезъ“ или „и отъ“ Сына исходящаго, мы предприняли полемическое разсмотрѣніе логическихъ выкладокъ и аналитическихъ измышленій, основанныхъ на мысляхъ Фомы Аквината, какого то Асташкова, благо его доводы выражены ярко русскимъ языккомъ, и при помнѣи принятыхъ нами церковныхъ словообозначеній тутъ выясняемъ «*что есть соборность православная, славянофильская*».

Такъ вообще въ основѣ построенія всего нашего труда беремъ готовый укладъ, разработанный Вл. Соловьевымъ, распредѣляя по его категоріямъ всѣ славянофильскія понятія познаніевѣдѣнія, указывая затѣмъ на искусственность и плоскость построенія Вл. Соловьева, вводимъ въ его распорядокъ поправки и такими передѣлками получаемъ наконецъ новый объемный стройный укладъ—полноты, единства и цѣльности любому дѣлу славянофильскаго.

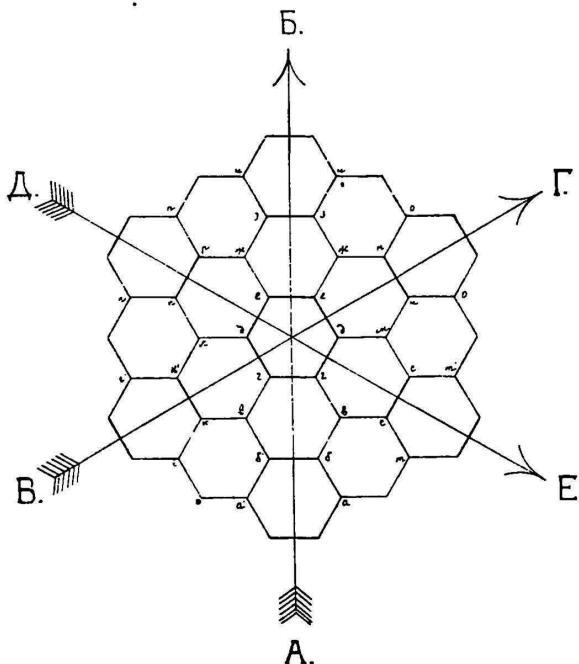
Сопоставленіе объясняемаго понятія по славянофильству съ понятіями противоположными ошибочными и соприкасающимися не есть единственный пріемъ нашего изложенія. Мы задались желаніемъ описывать въ послѣдовательномъ порядкѣ,

переходя отъ конкретныхъ понятій, наиболѣе къ намъ близкихъ, къ понятіямъ отдаленнымъ, отвлеченнымъ, отрѣшеннымъ. Такъ какъ предлагаемое сочиненіе есть сводъ (сведеніе) философскихъ понятій въ опредѣленный планомѣрный *уклад* и сводка многихъ укладовъ въ планомѣрный *распорядок*, а распорядки связываются во всеобъемлющую *цѣломудрость*, и каждое положеніе является продолженіемъ сосѣднихъ съ разныхъ сторонъ, слѣдовать же порядку сразу въ нѣсколькихъ направленихъ невозможно, то приходится поневолѣ обрывать то съ одного бока, то съ другого. А когда возвращаешься къ разорваннымъ частямъ, то для возстановленія боковыхъ связей, неизбѣжно повторяешь прежнія, уже доказанныя положенія. Это причина невольныхъ повтореній при обязательной отрывочности изложенія цѣлага.

Вообще повторяемость и отрывочность неизбѣжны при объемномъ построеніи всего философскаго ученія. Съ этимъ мы должны мириться; важно одно, чтобы взаимные положенія и соотношенія частей оставались строго опредѣленными. Кромѣ того, и самоопредѣленіе, т. е. нахожденіе границы между двумя соприкасающимися положеніями, не всегда точно доступно. Гдѣ найти напр. истинную границу между вѣромышленіемъ и признаніемъ, гдѣ точный, опредѣленный чуръ между философией и наукой, психологіей (душевѣдѣніемъ) и Боговѣдѣніемъ (духовѣдѣніемъ)? Не имѣя возможности всегда ярко опредѣлить эту грань, часто повторяешься, относя пограничные положенія то къ одной, то къ другой сторонѣ. Возвращаясь къ прежнимъ опредѣленіямъ, какъ получиться, что не перейдешь совершенно незамѣтно въ область другого понятія, уже выясненнаго, и такимъ образомъ не повторишь отчасти уже сказаннаго.

Если расположение укладовъ должно напомнить образъ сотъ, т. е. шестигранныхъ соприкасаній съ шестью \triangle сторонами сосѣднихъ шестисторонниковъ, то подвигаясь по направлению, скажемъ, \perp отвѣсному къ сторонѣ основанія шестиугольника АБ, мы тѣмъ принуждены порвать связь четырехъ боковыхъ, сторонъ каждого шестиугольника ряда АБ, и для восполненія ихъ потребуется вернуться еще два раза, по поправленію ВГ и ДЕ. Каждый разъ при этомъ обрываются боковые связи съ двухъ сторонъ, но возстанавливаются двѣ связи средняго шестиугольника. Это будетъ совершенно ясно, если прослѣдимъ по тремъ стрѣлкамъ рисунка, предполагая, что тѣ стороны связываются, которыя пересекаются стрѣлою; такъ какъ, каждая стрѣла обозначаетъ направлѣніе изслѣдованія съ трехъ различныхъ сторонъ зреїнія.

Слѣдя по направлению «АБ», порываемъ связь сторонъ аб, бв, вг, гд, де, же, зк и т. д. и сторонъ а'б', б'в', в'г', кі и т. д. Слѣдя по направлению «ВГ», въ средней клѣткѣ, порываемъ связь сторонъ ϑ' и $\delta'e'$ и сторонъ ee' и de , но возстановляемъ связь $\vartheta'\delta'$ и id . Возвращаясь къ той-же клѣткѣ, чтобы возстановить третью связь $\delta'e'$ и gd , мы невольно заговоримъ о самой клѣткѣ, т. е. повторимъ то, что сказали о ней, двигаясь по направлению ВГ и АБ, когда опредѣляли связь ee' и $\delta'e'$ и связь $\vartheta'\delta'$ и $\vartheta'\delta'$.

Другое дѣло было-бы, если укладъ располагалъ рядъ своихъ понятій по чертѣ, нанизывая ихъ, какъ бусы на нитку. Тогда, разъ прошелъ черезъ положеніе, возвращаться назадъ для возстановленія боковыхъ связей не приходится по той причинѣ, что ихъ вовсе не существуетъ въ системѣ. Такова схема эволюціонизма.

Еще и другое преднамѣренное повтореніе мы допускаемъ себѣ, а именно, заключительныя въ краткихъ словахъ обобщенія какого-нибудь отdfла.

Кромѣ всего сказанного, обратимъ вниманіе еще на одно свойство нашего построенія: черезъ все проходитъ яркімъ

лучомъ одна коренная начальная мысль, которая выражается кратко словами «*все во всемъ*»; а это все—едино-всеполнота цѣлаго и едино-всеполнота каждой части. Она численно—однотроичная полнота цѣлаго.

Ходъ изложения двоякій: сперва стараемся цѣлое раздробить до возможной мелкоты, опредѣлить каждую составную часть отдельно, а потомъ, связывая средніе члены, какъ-бы въ снопъ, обращаемъ въ одно цѣлое всю полноту съ расходящимися во всѣ стороны лучами. И этотъ ходъ изложения понятій и укладовъ повторяемъ съ неизмѣнною послѣдовательностью, во всѣхъ нашихъ обобщеніяхъ.

При этомъ, самораздробленіе происходитъ по тремъ направлениямъ, въ три стороны и въ трехъ отношеніяхъ. Триединство и въ работѣ изслѣдованія (анализа), и въ работѣ сопоставленія (аналогіи) и сосредоточенія (концентраціи), работѣ взаимнаго отграниченнія (категорического распределенія) и объединенія (синтеза) проведено со всею строгою точностью, какая желательна для выдержанного и соразмѣрнаго обобщенія.

Каждое новое ученіе воздвигается на обломкахъ старого. Мы наше изслѣдованіе основываемъ на разрушениіи спиритическихъ, оккультическихъ и теософскихъ ученій всякой лжемистики и чернокнижія. Критика, особенно Вл. Соловьевъ, ученій Аллана Кардека, Папуса (Papus) и иныхъ, бѣсовѣдовъ маговъ вызывателей духовъ расчищаетъ дорогу нашему мышленію. Она нашла выраженіе въ нашей книгѣ «Современный спиритизмъ и мистицизмъ».

Планомѣрная основа созидательной работы мысли, которая слѣдуетъ всегда послѣ разломки старого строенія, нами опредѣлена и сосредоточена въ книгѣ «Сводъ основныхъ законовъ мышленія». Предполагаемое настоящее же изслѣдованіе есть попытка изложить первую часть всего ученія бѣлосотенскаго славянофильства, а именно область познанія (ноэтика). Вторая, средняя область изящнаго направленія (эстетика) и третье вицѣшнее построеніе достойнаго поведенія (этика) должны послѣдовать послѣ выясненія и установки познаніевѣдѣнія.